

© 1994 г.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Н. Галл. *Хроническая инфляция как системный провал – Латинская Америка и поляризация мировой экономики*. Ин-т мировой экономики им. Ф. Броделя. Сан-Пауло (Бразилия), 1993. – 133 с.

N. GALL. *The Death Threat – Part of a Broader Study of Chronic Inflation as Systemic Failure. Latin America and the Polarization of the World Economy*. F. Braudel. Institute of World Economics, San-Paulo (Brazil), 1993. – 113 p.

В 1980-е годы в Латинской Америке и в начале 1990-х в Восточной Европе впервые в истории возникла гиперинфляция без войны. Экономическая теория (в ее монетаристском варианте) оказалась бессильной объяснить это явление: все сводится к плоским тавтологиям количественной теории денег. Не обсуждаются последствия инфляции в демографии и социальной сфере. Это побудило специалистов Института мировой экономики им. Ф. Броделя в Сан-Пауло обратиться к исследованию инфляции как фундаментального саморазрушительного процесса в экономике и обществе ("системного провала"), ставящего под вопрос необратимость прогресса и само выживание человечества.

Латинская Америка – классический континент инфляции. В самой Бразилии за 1889–1990 гг. цены выросли в 32 квадриллиона раз, хотя мировые цены за это время повысились лишь в 23 раза. За 1960–1990 гг. потребительские цены на мировом рынке возросли в Латинской Америке в 1,7 млн. раз. И как итог этих разрушительных процессов в конце 1980-х годов – на исходе победного шествия рейганомии – добрую половину континента охватила давно невиданная здесь эпидемия холеры.

Пожалуй, самое необычное в книге исполнительного директора Института мировой экономики имени Ф. Броделя в Сан-Пауло Н. Галла – трактовка инфляции как долгосрочного процесса. Это более чем актуально для нас: ведь сегодня многие верят, что чисто техническими (монетаристскими) средствами можно за год снизить месячные темпы инфляции с 20–30% до 5% и меньше. И вообще, корни этого явления по-прежнему ищут в субъективном: достаточно-де убрать со сцены разного рода лоббистов, коммунистов – Герашенко, Абалкина и Явлинского, – и все будет хорошо. В действительности, инфляция – лишь зеркало реальной экономики. И если больна сама экономика, то это неизбежно рано или поздно

проявится в финансах (а если не в финансах, то в политике).

Не случайно экономику определяют как науку не только о ценах, но и о "количествах" – объемных и структурных параметрах хозяйства. Связь между теми и другими может быть весьма отдаленной, особенно у нас, где, по общему признанию, деньги работают гораздо хуже, чем на Западе или в Японии.

Инфляция в России – это налог на уродливую структуру экономики, плата за то, что мы решились ворваться в рынок, имея за плечами такую структуру. По существу, мы лишь поменяли дефицит на инфляцию. И такое состояние может длиться очень долго. Скажем, среднегодовой темп инфляции в Бразилии и Перу с 1900 по 1990 г. составлял 20%, а в Аргентине и Чили – 30%. А нам ведь еще надо дожить до таких темпов.

За инфляцией стоят деформации экономического поведения ("дисфункциональные экономические трансферты", по терминологии Н. Галла). Мы имеем в виду "экономический маргинализм", подмену установки на производство дележом "общественного пирога".

Существует определенная связь между инфляцией и реформой. Ведь реформа – это всегда крупномасштабное перераспределение доходов и богатства. Обеспечить его при стабильных или снижающихся ценах политически невозможно. И здесь "на выручку" реформаторам спешит инфляция.

Существует и обратная связь: так, инфляции у нас в стране немало способствует отечественная модель приватизации, позволяющая прикрывать нулевыми (практически) оценками основных фондов гигантские масштабы проедания и разрушения общественного капитала. Остается только гадать, почему наши отечественные борцы за финансовую стабилизацию всегда смотрели на это сквозь пальцы – ведь раздача государственного имущества

почти даром, безусловно, ухудшает бюджетную ситуацию. Да и мыслима ли "рыночная" экономика, в которой товары продаются, а собственность... раздается? Иначе, как победой идеологии над здравым смыслом, всего этого не объяснить.

Экономической основой инфляции служат, по Н. Галлу, субсидии и рента. Они трактуются как инструменты двусторонней эксплуатации общества – бедными и богатыми:

1) субсидии – как плата за чрезмерный рост населения (чаще всего люмпенизированного) в странах "третьего мира",

2) рента – как результат использования богатыми ("рантье") иерархических (в том числе монополитических) преимуществ, коррупции и средств политического давления.

В частности, субсидирование социальных гарантий ведет, по Н. Галлу: 1) к искусственному раздуванию "среднего класса"; 2) к недоинвестированию социальной сферы. Механизм этой, на первый взгляд, загадочной связи достаточно прост: для субсидий в общественные фонды потребления (ОФП) вполне достаточно включить печатный станок, но для строительства школы или поликлиники необходимы строительные материалы, обученная рабочая сила, другие реальные ресурсы. Понятно, что бюрократическому государству легче первое; не случайно, диспропорция между ОФП и непроизводственными капитальными вложениями прослеживается почти на всем протяжении советского периода.

Механизмом, с помощью которого инфляция разрушает основы общественного порядка, служит декапитализация. Речь идет о разрушении не только физического, но и человеческого капитала, ибо в условиях инфляции чаще всего (и с наиболее тяжелыми последствиями) экономат на образовании. Декапитализация экономики – пишет Н. Галл – это то же самое, что голод для человеческого организма*.

Большое внимание в книге уделено урбанизации. Действительно, тесная связь между инфляцией и экстенсивным ростом городов практически во всех странах "третьего мира"*** не вызывает сомнений. Именно в городах концентрируются безработные и неквалифицированные рабочие, способные выколачивать из государства и международного сообщества все большие субсидии. А главное, урбанизация – это всегда замена технического прогресса в производстве, в лучшем случае, "экономией масштаба", а в худшем – поверхностными инновациями в потреблении. Другими словами, экстенсивный рост городов выступает как альтернатива подлинному (интенсивному) капиталотформированию.

* Неожиданно созвучно этой мысли название моей статьи "Самоедство как экономический принцип" в "Независимой газете", 1993, 3 дек.

*** Единственное исключение – Южная Корея, где бурная урбанизация не смогла помешать финансовому оздоровлению.

В связи с этим Н. Галл выдвигает едва ли не на первый план (что необычно для книги об инфляции) демографические индикаторы – заболеваемость и смертность. Он настаивает, что нынешнюю, относительно благополучную ситуацию в этой области, сложившуюся после эпидемиологической революции, ни в коем случае нельзя считать стабильной и данной навечно. Наоборот, велика опасность (отсюда броский английский заголовок книги – "Смертельная угроза"), что в процессе разрушения национальных систем здравоохранения, вызванном инфляцией, по крайней мере, отдельные регионы и социальные классы в странах "третьего мира" будут вновь отброшены к прежним высоким уровням заболеваемости и смертности. Это, собственно, и подтвердил подробно разбираемый в книге пример возникновения эпидемии холеры в Перу в конце 1980-х годов.

Сильная сторона книги – рассмотрение инфляции в глобальном контексте. Н. Галл решительно против "плоскостной" модели рынка (как простой суммы актов продажи и покупки), на котором все продукты равны. Действительная структура мирового рынка иерархична; он основан на монополии небольшого числа стран, извлекающих (в соответствии с теорией продуктового цикла) инновационную ренту. Иными словами, значительного успеха в мировой торговле и высокого благосостояния для своих жителей могут, вопреки наивным ожиданиям либералов, добиться только нации с развитым научно-техническим комплексом (мы, конечно, не имеем в виду такие редкие исключения из этого правила, как Кувейт).

Подтверждением этой пессимистической точки зрения стали 1980-е годы. Они ознаменовались, как отмечает Н. Галл, решительной поляризацией стран "третьего мира": была, буквально, разгромлена группа из примерно 70 стран со средним уровнем развития. Не более 10 из них, главным образом, государства Восточной Азии, подтянулись к развитым. Остальные 60, став жертвами инфляции, скатились на "глобальное дно", в группу беднейших.

Такова реальность. Она угрожает и нам, если российским обществом – всеми его членами, а не только беднейшими – не будут вовремя приняты сильные контрмеры против инфляции – труд и режим экономии.

Конечно, книга приоткрывает лишь краешек завесы, заслоняющей подлинные механизмы инфляции. В ней больше говорится о последствиях и угрозах, чем о причинах этого процесса. Положительные рекомендации автора подчас напоминают стандартные рецепты неолибералов (здесь, правда, надо оговориться, что сами эти рецепты в их радикальном варианте, восстающем против всех и всяческих привилегий и монополий во имя "совершенной конкуренции", практически неотличимы от формул перманентной революции). Но эти недостатки не отменяют главного: книга Н. Галла,

раскрывая социально-экономический контекст инфляции, помогает увидеть эту проблему в ее истинном масштабе. Она отрезвляет от монетаристских иллюзий, сводящих борьбу с инфляцией к

набору технических операций по регулированию денежной массы. Это все равно, что от черно-белого изображения перейти к цветному объемному.

Пчелинцев О.С.

© 1994 г.

РОССИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

Интервью писателя П. Межирицкого с профессором Пенсильванского университета А. Каценелинбойгеном. Филадельфия. 1993. – 173 с.

Имя профессора А. Каценелинбойгена хорошо известно по крайней мере старшему поколению читателей ЭММ. Он работал в ЦЭМИ с первого дня основания института. Его статьи неоднократно публиковались на страницах нашего журнала. Однако с того момента, когда А. Каценелинбойген стал филадельфийским профессором, для российского читателя он как бы перестал существовать. Ни одна из его работ, вышедших в США, не была издана у нас в стране. Мы делаем первую попытку познакомить читателей с его взглядами на современное социально-экономическое положение России, оценкой происходящих в ней перемен. Интервью, в котором эти взгляды изложены, было взято в марте 1993 г.

В анализе А. Каценелинбойгена экономические проблемы так тесно переплетены не только с социальными и политическими, но и с военно-историческими, что аспекты эти становятся неразделимыми.

Происшедшее недавно и происходящее в России сейчас есть продолжение ее истории – вот исходная точка, с которой начинает А. Каценелинбойген. Основными, характерными для русской истории, факторами он считает следующие. Во-первых, авторитарный режим, длившийся 700 лет, начиная с Ивана Калиты, и прерванный лишь на короткий период – от февраля до октября 1917 г. Во-вторых, – империя. В истории России были периоды, когда она уступала территории, но затем опять их отбирала. Сегодняшняя ситуация тоже не уникальна. Во время гражданской войны страна раскололась на Украину, Дальне-Восточную республику, Сибирь, Урал и т.д., вплоть до Калужской республики. Но затем – и вскоре – империя была воссоздана. А. Каценелинбойген говорит: свидетелями чего мы являемся? Кардинального изменения в русской истории, в русской традиции или это лавирование, после которого все будет возвращено на круги своя. Авторитарный режим и империя всегда удерживались и расширялись крайними методами: жестким и гибким. Иван Грозный, Петр, Сталин расширяли власть и империю жесточайшими путями. Но были властители, которые пользовались очень гибкими методами.

В связи с этим А. Каценелинбойген поставил для себя вопрос: "Горбачев – это человек, ломающий имперскую традицию, или политик, гибкими методами спасающий хотя бы ядро империи?" И уверенно ответил: "это была попытка гибкими методами удержать авторитарный имперский режим".

А то, что спасти империю было необходимо, подчеркивает А. Каценелинбойген, стало известно задолго до Горбачева. Еще в 1971 г. в Академии наук под руководством А.И. Анчишкина был составлен план развития народного хозяйства на 20 лет, который вскрывал страшное: при условии дальнейшего развития экстенсивным путем в рамках существующих организационных форм не только не может быть речи о том, чтобы догнать Америку, но к 1990-м годам разрыв еще более увеличится. Было предсказано также падение производства в 1980-е годы. План произвел впечатление разорвавшейся бомбы... Но был отвергнут как дискредитирующей систему идеологически. Власть пошла легким путем – решили пожить спокойно за счет закупок передовых технологий и необходимых продуктов на Западе, благо пока "был жирок в хозяйстве". С приходом в США к власти рейгановской администрации усилилась гонка вооружений, которую СССР уже не смог выдержать, действуя традиционно. Гибкие методы, которые выбрал Горбачев, – это развязывание инициативы народа, снятие монополии коммунистической партии, отмена плановой системы, создание рынка, фермерство и т.п. Хотели одним махом, одним рывком "распустить" экономическую систему и отдать стихии рынка всю площадь ее жизнедеятельности в расчете на быстрое и благотворное обновление экономики. Вспомним программу "500 дней", шоковую терапию Гайдара и т.п.

Почему такой, казалось бы, естественный путь, который поддерживался всей либерально настроенной общественностью, требовавшей еще более быстрых и радикальных реформ, оказался тупиковым в условиях России?

А. Каценелинбойген считает, что экономику России нельзя сравнивать ни с одной цивилизованной экономикой. "Советский Союз, – говорит он, – это страна, в которой все было подчинено войне. Это –